

Улитка в тарелке

Автор:

Юлия Лавряшина

Улитка в тарелке

Юлия Лавряшина

Удивительная, серьезная и завораживающая история о детях, которым никогда не суждено стать взрослыми. Тайна их рождения и короткой жизни была навсегда скрыта за высокой Стеной, отделяющей их от остального мира, до тех пор, пока двое из них не выбрались за ее пределы...

Книга – лауреат Международной литературной премии В.П. Крапивина.

Юлия Лавряшина

Улитка в тарелке

Любое использование текста и оформления книги, полностью или частично, возможно только с письменного разрешения Издателя. Нарушения преследуются в соответствии с законодательством и международными договорами РФ.

© ООО «КИТОНИ», 2018

© Лавряшина Ю., текст, 2018

* * *

Моей семье – с любовью...

Часть 1

Глава 1

Улитка появилась у него сама по себе. Утром Эви, ворча спросонья, запрокинул голову, проехавшись затылком по подушке, и посмотрел в окно, а улитка уже сидела на желтой деревянной раме. Она походила на коричневый кружок, который часто бывает на досках, только на этот раз древесное пятнышко отлепилось от поверхности и начало свою жизнь. Эви надеялся – если, конечно, повезет – увидеть солнце, а нашел друга.

Он перевернулся на живот и уставился на улитку, боясь спугнуть ее дыханием. Вокруг перекрикивались мальчишки, убирая постели, и в их голосах можно было слышать все: от свистящей злобы на жизнь, которую каждое утро приходится начинать заново, до захлебывающегося смеха.

В этом не было ничего необычного. Эви слышал все это уже одиннадцать лет, то есть с тех самых пор, когда их, одного за другим, извлекли из сосудов, в которых производили людей. Правда, тогда все мальчишки только и умели – кричать и плакать. А уж девчонки тем более...

Так рассказывали воспитатели, и у Эви не было оснований им не верить, ведь они-то все видели собственными глазами. Он немного сомневался только насчет Миры, потому что не помнил, чтоб она когда-нибудь плакала. Вот закричать она могла, но только разозлившись или увлекшись игрой. Кроме них двоих в мире никто не придумывал настоящих игр. Все, как один, были поглощены

виртуальными.

Эви не сумел бы объяснить, почему они с Мирой так не любили эту мертвую компьютерную действительность. Но он с ужасом думал, что его подружка взрослеет, ей уже целых двенадцать, и с этим ничего не поделаешь. Однажды Мира тоже наденет на свое лицо пластмассовую маску вместо того, чтобы сползти в овраг и поиграть сосновыми шишками, которые заменяли им фигурки людей.

Никто не объяснял им, почему только животные могут становиться игрушками и почему лишь про них пишут книги. Эви с Мирой такое положение вещей не нравилось, и они сами создавали то, до чего взрослые не додумались.

Конечно, улитка, которая только что так боязливо высунула влажные рожки, тоже была животным. Но она была настоящей, и Мира должна была оценить это. Зверюшек она обожала, и те шли к ней так смело, будто Мира была их предводительницей, для смеха принявшей человеческий облик. Вот вчера, например, она просто засвистела, когда они вышли на полянку, и вдруг со всех сторон, как по команде, из травы повыскакивали полосатые бурундуки.

А ведь она и свистеть-то не умела! Дрим, ее любимый воспитатель (рыжий, как та лиса, что прибегала к Мире в прошлом году!), однажды свистнул при ней в два пальца, и она завелась: только они уйдут поиграть в овраг, как начинает учиться. Эви даже как-то раз рассердился, хотя и сам, тайком от нее, пытался освоить этот непростой свист. Только у него получалось еще хуже...

Надеясь, что никто не обратит на него внимания, Эви выбрался из кровати и, наспех заправив постель, поспешил к столовой раньше других. Он ругал свои слабые ноги, которые с утра никак не желали его слушаться и громко шаркали по линолеуму. Эви все время осторожно оглядывался, опасаясь, что кто-нибудь из мальчишек заметит его маневр, постарается догнать, и тогда ему уже не удастся стащить пустую тарелку.

Нужна была глубокая, чтобы в нее уложить рядами траву и листья – пусть улитка сама выберет, где ей спать. И вода должна быть на дне, тогда улитка не умрет от жажды. Такое Эви уже сейчас страшно было представить, хотя он еще даже не дал ей имя...

Ему повезло: он все устроил, как собирался, и даже успел сделать это до завтрака. Разделавшись с кукурузной кашей, которая сегодня оказалась совсем не сладкой, Эви незаметно поманил Миру, с которой не спускал глаз, пока ел. Еще убежит, не дождавшись его... Правда, бегать по-настоящему умели, конечно, только взрослые, а детям оставалось плестись за ними, подтаскивая тяжелые ноги и задыхаясь от усталости.

- Когда я вырасту, - сердито говорила Мира в таких случаях, - буду бегать целыми днями.

Но сейчас она была не сердитой, а по-утреннему веселой, и глаза у нее были, как будто умытыми росой.

- Что у тебя? - зашептала она, сразу угадав секрет.

Оглянувшись, Эви шепнул в ответ:

- Улитка.

Мира тоже проверила, не стоит ли кто за спиной, и повторила уже погромче:

- Улитка?

- Домашняя, - со значением пояснил он.

И действительно, домашняя улитка - это же совсем не то, что лесная. Мира наклонилась совсем близко:

- А ты где ее спрятал?

- Под кроватью. Там темно, но ей это ничего! Она всегда под листочки забирается.

У Миры солнечно вспыхнули глаза, которые обещали стать карими, когда она вырастет.

– Покажешь?

– Пошли.

Эви горделиво зашагал впереди. Чаще ему приходилось идти за Мирой, потому что именно ей всегда удавалось отыскать что-нибудь необычное, и уж тогда она обязательно тащила его, чтобы показать. Желтые камешки, которыми были посыпаны все дорожки, издавали под ногами ликующее похрустывание, и Эви готов был растянуть это шествие на года. И вместе с тем, он торопился изо всех сил, ведь улитка могла уползти, и тогда Мира решила бы, что ему все почудилось. Или хуже того – что он обманул ее.

Когда Эви с трудом заполз под кровать, тарелка все еще была на месте. Он вытащил ее на свет, стараясь не тряхнуть, и пальцем разворошил влажные листья.

– Вот она...

– Малюсенькая! – восхитилась Мира.

Она уже стояла рядом с ним на коленях и носом едва не касалась торчавших во все стороны стебельков.

– Можешь потрогать, – великодушно разрешил Эви. – Только мизинцем, а то раздавишь еще!

– Я что – медведица? – обиделась она, но тут же разулыбалась: – Смотри, она рожки показала!

Наслаждаясь моментом, Эви отозвался:

– Я уже видел.

До сих пор ему не доводилось владеть хоть чем-нибудь, чего не было у других. Правда, только ему одному принадлежали те звуки, что издавали цветы, другие их почему-то не слышали. Эви пытался представить, каким воспринимают этот лес остальные, и ему казалось это страшноватым – молчаливое скопище

деревьев. Но поговорить об этом с кем-нибудь, кроме Миры, он не мог. Только она верила ему на слово. И все же было приятно, что улитку она еще и увидела...

– Мы оставим ее здесь?

Мира спросила об этом, не сомневаясь, что сейчас они, как обычно, пойдут играть. Ведь все остальные, как обычно, сразу после завтрака отправились в высокую круглую башню, которая была центром Вселенной всю их жизнь. Она так и называлась – «Виртуальный мир». Другого ни для кого, кроме Миры и Эви, и не существовало.

Теперь до самого обеда никого из них оттуда не вытащишь, а после они снова скроются до ужина. Иногда Мире с трудом удавалось вспомнить имена некоторых девочек из других домиков – так редко они встречались и почти не разговаривали. Им было попросту нечего сказать Мире, ведь она понятия не имела, о чем вообще идет речь. Мира молчком стелила себе постель и, прислушиваясь, морщилась: «Вот скучища-то!»

Изнемогая от желания погладить твердую коричневую завитушку, Эви ворчливо заметил:

– Пускай тут сидит, целее будет!

Улитка все равно ничего не почувствовала бы, но это не имело значения. Зато он бы почувствовал... Но мальчик стеснялся повторить при Мире то, что уже проделал несколько раз, когда устилал тарелку листьями и травой.

Откуда-то в его памяти всплыло: «Листья травы», но Эви так и не вспомнил, с чем это связано. Кажется, Дрим говорил что-то такое... Или не Дрим. В последнее время Эви вообще стало казаться, что он забывает все случившееся с ним быстрее, чем это происходит. Он поделился этим с Мирой, и она неохотно призналась, что замечает то же самое. Ей это совсем не нравилось.

Можно было спросить у нее и об этих странных словах о листьях травы, вдруг ей все же запомнилось? Но Эви знал: с ней только заговори про Дрима, так и будет трещать о нем целый день! Тогда игра будет уже не игра. И Эви предпочел остаться в неведении... Тем более все могло вспомниться само собой, так тоже иногда случалось.

На пути к оврагу Мира оживленно сказала:

- Слушай, что мне сегодня приснилось... Такое странное!

- Что? Ну, что? Рассказывай! Что-то вкусное?

- Почему это - вкусное? Я же говорю - странное. И ничуть не вкусное! Хотя я не знаю... Я же не пробовала.

- Понятно, не пробовала. Но ты хоть разглядела как следует? Что это было?

- Вода.

Разочарование стекло от глаз к подбородку, и лицо Эви сразу сделалось длинным, как светлый луговой колокольчик, если его сорвать и перевернуть. Он протянул уже без интереса:

- Просто вода?

- Не просто вода!

Мира почувствовала, что начинает сердиться. От этого по сердцу бегали пузырьки, которые из холодных становились горячими, а потом наоборот. «Я-то думала, он все-все понимает!» - эта мысль напугала больше любых пузырьков. Они рано или поздно лопались, а разочарование - Мира почувствовала это - могло так и застрять где-то в ней. Она не помнила бы его каждую минуту, но оно все равно было бы где-то там...

С силой раздув щеки, Мира попыталась заставить эту плохую мысль лопнуть от напряжения, подобно тем пузырькам вокруг сердца, которых уже почти и не осталось. Потом решила не мучиться и попросту махнуть на все это рукой. Глубоко вдохнув, как учил Дрим, она терпеливо объяснила:

- Это была совсем особенная вода. Синяя. Это если смотреть далеко-далеко. А у ног она казалась совсем зеленой. И - главное! - она дышала.

- Как это - дышала?

На этот раз Мира уже не рассердилась, потому что травяные глаза Эви сморгнули пленочку недоверия. Она улыбнулась засветившемуся в них изумлению: «Вот то-то же!»

- Совсем как человек...

И чтобы стало понятней, снова несколько раз глубоко вобрала воздух, для убедительности прижав к груди ладонь, чтобы стало заметно, как она приподнимается.

Завороженно проследив за ней, Эви прошептал:

- Я такого не видел.

- Ну, конечно, не видел! По правде же такой воды не бывает, - у нее дрогнули уголки губ. - Знаешь, ее было так много! Она везде была, куда ни посмотришь. Я специально вертелась во сне... Одна вода! И почти вся - синяя.

Подумав, Эви мрачно согласился:

- Это было красиво. И ты правильно сказала - странно. Разве во сне видишь, чего не бывает?

- Но мы же летаем во сне! Ты сам говорил, что летал, - заспорила Мира, испугавшись того, что он опять перестанет ей верить. - А по правде - нет. Видишь?!

Словно не слыша ее, он печально вздохнул:

- Наша речка совсем не синяя.

И вдруг встрепенулся:

- Так ты тоже летаешь во сне?

– Дрим говорит, что когда мы станем взрослыми, то больше не будем летать.

Мира на секунду задумалась прежде, чем открыть Эви эту грустную правду. Все-таки ему было всего одиннадцать, а ей на год больше, и она должна была защищать его от самого плохого в жизни. Но Мира точно не знала, когда именно их сны отяжелеют и совсем осядут на землю. Вдруг это произойдет уже этой ночью или следующей, а Эви окажется не готов и расстроится или чего доброго испугается?

Она решила, что лучше предупредить его о том, что не все так замечательно в той взрослой жизни, к которой они так рвались, чтобы, наконец, почувствовать себя сильными и быстрыми. Наверное, Дрим рассудил точно так же, когда открыл этот секрет ей самой.

Ничего не сказав на это, Эви вытянулся на теплой, как щека, траве на склоне оврага, по которому все время хотелось скатиться вниз. И зимой, когда ручей замерзал, они так и делали, выкатываясь прямо на лед. В прошлом году Мире удавалось проделывать это раз десять за день, а в этом только четыре – так тяжело стало снова взбираться вверх. Сердце совсем не давало ей дышать, сбивая, забирая на себя каждый вдох.

Это почему-то напугало Миру, хотя она видела (специально остановилась посмотреть!), то же самое происходило и с Эви. Но ей все равно казалось, что сердце сейчас выскочит совсем, покатится вниз и станет таким тяжелым, что лед обязательно треснет. И темная вода, которая зимой такая страшная, затянет ее сердце, чтоб уже никогда не выпустить. И только сердитые пузырьки еще чуть слышно побулькают на поверхности. А потом лопнут... Это произойдет быстро.

Мира попыталась рывком перевернуться на живот, но это вышло как-то неуклюже, совсем не так, как прошлым летом. Или она это только придумала? Ведь она сама замечала, что в памяти то и дело все перепутывается настолько, что и не разобрать – что было на самом деле, а что подумалось или приснилось. Мира боялась сказать об этом даже Эви, ведь он мог подумать, что она становится какой-то дурочкой.

Сейчас ее почти обрадовало, как бестолково мечутся в траве муравьи, пытаюсь найти что-то очень нужное для себя, а блестящие жуки, которые ползли

навстречу, не замечая друг друга, то и дело замирали и прислушивались. Может, они, как Эви, слышали музыку цветов? А может, Мира слишком громко дышала от радости, что видит эту мелкую, но такую важную жизнь...

От всех мыслей, что сегодня смешались в голове, ей расхотелось смотреть на небо, которое она вообще-то любила. Но сейчас оно напоминало воду из ее сна, только не дышало. И сама вода, не слушаясь, перетекала в зимний ручей и грозила поглотить ее сердце.

Если б это случилось... Нет, это, конечно, никогда не случится! Но если просто представить... Тогда Мира уже не стала бы взрослой, и ее сморщенная кожа в противных коричневых пятнах уже не превратилась бы в гладкую, как у Дрима. И уже не перестали бы дрожать руки, и ноги не сделались бы легкими, как у всех воспитателей, которые могут по полчаса, а то и больше прыгать по корту или бегать за баскетбольным мячом. А потом они еще и до ночи спуют между домиками, нисколько от этого не уставая. Детям же то и дело требуется присесть, хоть ненадолго, чтобы перестала болеть поясница и бешено колотиться сердце.

- Вы - маленькие, и сил у вас мало, - объяснял Дрим, и она ему верила.

Не только потому, что он умел читать, как все взрослые, и потому много чего знал. Главное, он никогда ее не обманывал. Если Дрим шепотом сообщал, что: «Макароны сегодня резиновые, возьми лучше пюре», точно так и оказывалось. Мира сама видела, как кривятся те, кто позарился на толстенные трубочки, которые она вообще-то любила, потому что в них можно было тихонько посвистеть...

В общем, Дрим никогда ее не обманывал. Он подтверждал, что за Стеной, которой заканчивался их мир, страшная-страшная пропасть, и у нее даже дна нет. Если, конечно, не считать дном другую планету, до которой еще лететь и лететь. И хоть он говорил об этом всегда с неохотой и странно морщась, Мира знала, что можно не сомневаться, все так и есть. Просто рассказывать об этом страшновато, тем более - представлять.

И кожа у нее обязательно должна была разгладиться, ведь Дрим говорил, что это естественный процесс: дети растут, их морщины растягиваются, и постепенно они становятся такими же красивыми, как все взрослые. Да и сил у

них все прибавляется и прибавляется, это так здорово! Однажды... Мира, зажмурившись, часто воображала этот день... Однажды этих самых сил станет так много, что она даже сможет бегать, не задыхаясь, и забираться на деревья, не опасаясь сорваться из-за того, что ноги становятся ватными и трясутся.

- Давай залезем на дерево!

Эви, задремавший от тепла, как кот, смешно заморгал. Зелень в его глазах сгущалась постепенно, будто тоже медленно приходила в себя.

- На какое еще дерево?

- Да на то, где красные ранетки. Знаешь, вкусные! Я с земли подбирала. Но наверху они ведь еще вкуснее!

- Как же мы залезем? - он с сомнением посмотрел на свои тощенькие, дряблые ноги. - Силенок не хватит.

Мира заспорила:

- В прошлом году я же лазила, помнишь? С чего же сейчас их не хватит?

«А вдруг не хватит? - пузырьки возле сердца сделались ледяными и разом впились в него. - Да ну... Я же расту. Значит, и сил должно становиться все больше и больше. Так Дрим говорил...» Для начала встав на четвереньки, она выпрямилась и переждала привычное головокружение, от которого в глазах возникал целый мушиный рой.

- Пойдем! - она дернула мальчика за руку. - Знаешь, какие они хрустящие! У меня прямо слюнки уже текут.

Эви поднялся, но было видно, что он совсем не горит желанием лезть на дерево. Пристально разглядывая что-то у реки, (Мира тоже оглянулась, но ничего особенного не увидела), он пробормотал:

- Можно кого-нибудь из взрослых попросить. Им же легче залезть! Прата, например... Он не откажется.

– Но мне самой хочется! – закричала Мира. – Когда они – это же совсем другое. Они и так все для нас делают: готовят, книжки читают и стирают... Все! Но мы же тоже должны хоть что-то делать, а то так вырастем и ничему не научимся. Как тогда?

– Откуда берется стиральный порошок?

Она уставилась на него в недоумении:

– Что?

Мальчик виновато растянул синеватые сухие губы:

– Я вот все думаю: откуда вообще все берется? Порошок, мыло, продукты... Туалетная бумага – откуда?

– Что значит... Я... Я не знаю...

Ее поразило, что Эви подметил то, о чем она сама даже не задумывалась. Обычно Мира первой видела то важное, над чем стоило ломать голову.

От растерянности она ухватилась за свой проверенный спасательный круг:

– Надо у Дрима спросить!

Эви посмотрел на нее как-то странно:

– Может, он и не скажет... Может, это их взрослый секрет. Бывают же такие!

– Что же такого секретного в том, откуда туалетная бумага берется?

– Ну, не знаю... А почему тогда они не говорят?

– Потому что... Потому что никто и не спрашивал! Вот ты разве спрашивал?

Медленно запрокинув голову, отчего сухая кожа на шее стала почти гладкой, Эви мечтательно произнес:

- А может, все это привозят с какой-нибудь звезды...

- С планеты.

- Со звезды! - заупрямился он. - И там, наверное, живут такие же дети, как мы.

- И взрослые. Как Дрим...

Эви вдруг рассердился:

- Надоела ты со своим Дримом! Вечно только: «Дрим, Дрим!» Прямо влюбилась!

«Вот и тогда было так же», - внезапно вспомнилось ей. Она чего-то испугалась («А чего испугалась? Не помню...»), и сердце ее просто исчезло. Это продолжалось недолго, но Мира ясно чувствовала, что совсем не ощущает его. Не так, как бывает, когда ничего не болит, по-другому: вместо сердца возникла холодная пустота. Вроде той, что подкарауливала за Стеной. Если б Мира провалилась туда, то уже не выбралась бы. Но сердце все же успело ухватиться за ребра и удержалось...

- Ничего я не влюбилась...

Она сама удивилась тому, что вместо обычной запальчивости в голосе прозвучало что-то... как-будто сухие листья зашелестели. Это был печальный звук.

Эви тоже ответил уже не сердито, но и не весело:

- Конечно... Думаешь, я совсем дурак? Я же ничего не говорю, Дрим - он хороший. И он... не такой, как мы. Красивый.

- Мы тоже станем такими!

Эти слова Мира повторяла так часто, что они уже стали вроде заклинания, которое просто обязано иметь силу. Иначе, что это за заклинание?

- Все так говорят...

- Так и есть!

- Ага, - угрюмо протянул он. - Только... Ты знаешь хоть кого-нибудь, кто был, как мы, а потом вырос и стал, как они? Вот вспомни!

Мира посмотрела на него испуганно.

- Кого-нибудь?

- Хоть одного! Я вот никого не знаю. Может, никто и не вырастает? А взрослые всегда и были такими?

- Так не может быть, - неуверенно возразила она.

Почему-то перейдя на шепот, Эви сказал:

- Никого же нет старше тебя. Ты, а потом сразу уже взрослые. А где те, кому тринадцать лет? Никого нет.

- Зачем ты об этом думаешь? - прошептала Мира, хотя ей хотелось закричать.

А еще больше хотелось убежать куда-нибудь подальше, совсем далеко, чтобы там надежно спрятаться от этих вопросов, которые почему-то пугали не меньше пропасти за Стеной. И она убежала бы, если б у нее были такие легкие ноги, как у Дрима...

Эви даже не улыбнулся виновато, как обычно делал, когда ему приходилось оправдываться.

- Оно само думается. Знаешь же, как бывает: раз подумалось - и уже не отпускает.

«Сейчас оно и во мне застрянет!» – она сделала судорожное движение, будто попыталась стряхнуть непрошенную мысль, и быстро проговорила:

– Знаешь, что... Может, тогда что-то случилось! Например, все сосуды разбились, и не в чем было производить детей. Пока новые появились...

– А откуда появились? – не унимался Эви. – Все-таки со звезды привезли? А кто привез?

Глаза у него стали, как скомканные листочки крапивы, Мире даже захотелось отойти от него подальше. Но она осталась на месте, только сердито прикрикнула:

– Ну, кто-кто! Опять ты... Откуда я знаю? Но ведь так же могло быть? Пожар какой-нибудь... Помнишь, как в том году столовая горела?

– О! – у него горестно округлился рот. – Все котлеты сгорели. Мясные были...

– Вот-вот! А потом же все снова построили.

– Долго, – едва слышно сказал Эви.

Ей пришлось наклониться к его смятому личику:

– Что – долго?

– Долго строили, если все так и было... Дриму, вроде, тридцать лет, так? А тебе – двенадцать. А между вами – никого.

– Тогда я не знаю...

Мире совсем не хотелось сдаваться, но нехорошие мысли, которые так и лезли из Эви, как-то вытеснили ее собственные, и возразить оказалось нечего. Хотя она и сейчас не сомневалась, что если б удалось хорошенько поразмыслить, то возражение нашлось бы. Но ей почему-то не то чтобы лень было думать, но стало как-то безразлично: найдется это возражение или нет... «Все равно», – подумала она, хотя как раз то, о чем они говорили, было для нее особенно

важно.

Под ногами неожиданно образовалась воронка, и Мира почувствовала, как ее медленно затягивает. Но не кружит. Она посмотрела на траву, но никакого движения не было. И все же не покидало ощущение, что она просачивается сквозь землю.

«Как вода!» – ее сон тихонько плеснул где-то рядом или даже в ней самой. Мире вдруг стало страшно: почему она чувствует это так, будто это – по правде? Будто это когда-то уже было с ней, а сейчас вспомнилось. Не просто придумалось, как часто бывает, когда пытаешься представить себя таким мягким облаком, которое может забраться выше всех. Так высоко, что ему видно даже, что за Стеной... Или – бурундуком! И тогда кажется, что на спине вытянулись полоски, которые стекают в пушистый хвост.

Мира обожала развалиться на траве и воображать себя то тем, то этим... Воспитатели находили странным, что она подолгу просто лежит без движения и щурится на небо. А Дрим только посмеивался и говорил, что если б Мира, как все дети, часами торчала в виртуальном мире, из которого их за уши не вытянешь, то это была бы уже другая девочка.

И другой мальчик – это уже про Эви, который, единственный из почти сотни ребят, составлял ей компанию...

Он тронул ее сухими пальцами:

– Ладно, пошли за ранетками. Все равно мы сами ничего не разгадаем.

– Ты же боялся лезть на дерево!

– Подумаешь! – слишком уж храбро ответил Эви. – По-другому же их не достанешь. И ничего я не боялся!

«Не хочется мне уже никаких ранеток», – призналась Мира только себе, но решила, что Эви тоже надо как-то отвлечь от этих мыслей, иначе они чего доброго сожрут его мозг.

Это Дрим рассказал ей, что в голове находится мозг, и как раз он-то и выдает все фантазии про облака и бурундуков. И вот такие мысли, похожие на дождевые тучи, от которых ничего хорошего не жди. И слова, даже те, которые он говорил прямо в ту минуту...

Но тут зашла воспитательница Руледа, а Дрим не сразу заметил ее. Увидев, он оборвал себя на полуслове и неожиданно вспомнил, что девочке пора обедать. Но Мира не ушла сразу, а немного постояла под дверью и услышала, как Руледа выговаривает ему:

– Незачем забивать ей голову! Это же одно из правил: чем меньше они знают, тем лучше для всех. Сам представь, что будет, если хоть один из них задумается! Лучше не буди ее мысль, эта Мира и так со странностями.

Из уст Руледы это прозвучало как похвала. Мира ни за что не согласилась бы походить на нее, хотя из всех воспитательниц Руледа была, пожалуй, самой красивой. Но такой скучной, что казалась закутанной в паутину!

Дрим ответил ей резко, и девочке это понравилось:

– Они и так пребывают в состоянии домашних животных. Ей уже двенадцать, а мы все читаем вслух сказки про зверюшек.

«Ей – это мне? – Мира так и замерла. – Как-то непонятно он говорит... А что же еще можно читать?»

В тот момент она подумала о забитых книгами полках в кабинете Дрима, куда никто не мог войти, кроме взрослых. Даже Мира, хотя все считали, что к ней он относится особенно. Только вот дверь в кабинет он запирает и при ней тоже... Из того, что там хранилось, Дрим никогда ничего не читал ни ей, ни другим. Может, это были слишком печальные сказки? Но ведь Мира любила такие.

Голос Руледы прервался смешком:

– Сколько ей, говоришь? К этому невозможно привыкнуть!

– Тихо!

До Миры донеслось, как подвинули стул, – наверное, Дрим поднялся, – и она на цыпочках попятилась.

Когда он открыл дверь деревянного домика и выглянул, подставив солнцу рыжие волны волос, Мира, повернув за угол, спешила к столовой, где ее уже не ждали.

Глава 2

А сейчас их с Эви наверняка ждали, хотя Мира предпочла, чтобы спокойно пообедали без них. Почему обязательно все нужно делать вместе? Вставать ровно в восемь часов, идти в столовую, потом погружаться в виртуальность, которой Мира побаивалась, а у Эви просто ничего не получалось. Воспитатели называли его «неспособным», хотя Мира знала, что как раз он способен на такое, о чем они даже не подозревают. Взять хотя бы то, что он слышал музыку цветов! Сама Мира не различала ее в общем потоке звуков, который лился на них из леса, но верила Эви. Он пытался напеть ей те простенькие мелодии, которые вызванивали цветы, но голос у него был сиплый и слабый. Получалось не слишком красиво... Но у Миры хватало воображения представить, какие на самом деле песенки прячутся среди лепестков. А где же еще жить звукам, как не в таких красивых домиках?

Сейчас Эви ничего не напевал и даже не говорил. Когда он шел рядом, становилось заметно, какой же Эви маленький – на полголовы ниже! – и как кожа у него на щеках отвисает тонкими сухими складками еще больше, чем у нее самой. Наверное, как раз потому, что он такой маленький...

Волосы у Эви еще и не начали пробиваться, а у Миры был темный пушок, который она то и дело трогала и представляла, что когда вырастет, у нее будет коса, как у Руледы. Или кудри, как у Дрима... Лучше даже кудри, ведь Дриму нравятся его солнечные волосы (Мира заметила это уже давно). Значит, он будет улыбаться, когда увидит ее...

По-прежнему глядя под ноги, Эви неожиданно объявил:

- С тобой стало скучно.

Мира даже остановилась:

- С чего это?!

Он насупился:

- Ты все время думаешь об одном и том же. Такая скучотища! Я скоро перестану с тобой гулять.

- Откуда ты знаешь, о чем я думаю?

Пожав покатыми плечиками, Эви сказал, как о чем-то естественном:

- Слышно же... У тебя в мыслях так и звенит: Дрим-Дрим. Надоело уже!

- Это я из-за твоих вопросов так раздумалась! - сердито отозвалась Мира, не зная, что еще сказать.

Эви тоже огрызнулся:

- А я про него и не спрашивал!

- Вон там ранеток много, - она попыталась увильнуть от разговора, и ей это удалось, потому что мальчик остановился, как вкопанный.

- Оно же высоченное...

- Для меня оно меньше - я же выше. Вот я и полезу.

- Да ты упадешь и что-нибудь себе сломаешь! Помнишь, как Лема сломала... Что она сломала?

- Шейку бедра, - вспомнила Мира.

Эви разволновался еще больше, как будто речь шла о настоящей шее:

- Вот именно! И лежала потом целых полгода.

- Ее на руках таскали в «Виртуальный мир», - насмешливо напомнила Мира. - Думаешь, она хоть заметила, что не может ходить?

- Но ты же - другое дело!

Мира неуверенно пообещала:

- Да я не сорвусь.

И почувствовала, как верхушка дерева хлестнула по самому сердцу, и оно, увернувшись, упало куда-то. Приказав сердцу вернуться на место и притихнуть, Мира деловито потрогала ствол: крепкий! Значит, и ветви должны быть крепкими. Конечно, она не упадет! Что он придумывает...

Красные звездочки выглядывали из-за листьев, которые, как нарочно, выставляли их напоказ. Даже снизу Мира ощутила, какие они гладкие, эти ранетки, и как оглушительно будут хрустеть. От кисловатого сока сведет скулы, но это будет приятно, и захочется съесть их все до последней.

- Я буду сбрасывать их оттуда, а ты лови.

Она храбро взялась за нижнюю ветку, но поняла, что та слишком высоко от земли, чтобы закинуть на нее ногу. Вот если б ноги у нее были такими же сильными, как у взрослых...

- Вон ведро валяется! - Эви обрадованно посеменил за куст. - Тут, наверное, поливали и бросили его.

Перевернув ведро грязным днищем вверх, он аккуратно установил его у дерева и поднял на Миру счастливые и немного испуганные глаза:

– Ну, давай!

Она встала на ведро одной ногой: «Не проломится?» Потом встала обеими. Теперь уже легче будет закинуть ногу на ветку, если, конечно, поднатужиться...

«Здорово, что всем девчонкам выдают джинсы, – подумалось Мире, пока она собиралась с духом. – Воспитательницы-то могут ходить в платьях, у них такие ноги красивые! А у нас – жуткие... И все в каких-то пятнах!»

Зацепившись пяткой, Мира сообразила, что наверняка обдерет кроссовки, и потом ей достанется, но сейчас было не до этого. Нога трусливо дрожала и норовила сорваться, и Мире пришлось побольнее укусить губу, чтобы отвлечься. Когда она, наконец, сумела сесть возле самого ствола, у нее уже тряслись все жилки в теле, а сердце вообще выделявало непонятно что... Закрыв глаза, Мира переждала, пока стихнет шум в ушах, который, наверное, начался оттого, что в голове все взболталось. Затем уцепилась за ветку и встала, чтобы шагнуть выше.

Ранетки уже вовсю дразнили ее, казалось, до их прохладной кожицы можно дотянуться губами... Но не получалось. Стараясь пока не смотреть вниз, откуда доносились сиплые выкрики: «Ура! Давай!», Мира осторожно перебралась повыше и тут уже устроилась, наконец. Ствол, который она обняла, оказался теплым, и Мире почему-то опять вспомнился сон про воду, которая дышала: «А если все-все вокруг живое?»

Она решила, что надо бы поговорить об этом с Дримом, но тут же застенчиво подумала, что это, наверное, слишком детский вопрос. Мире же хотелось выглядеть повзрослее: конечно, еще не бабочкой, но хотя бы гусеницей, уже готовой выпустить из себя красоту.

– Лови!

Мира кинула вниз сразу три ранетки, чтобы немного растормошить Эви. Ее пугало, каким он временами делался вялым, как будто с каждым месяцем энергии в нем становилось все меньше и меньше. А ведь этого не должно было происходить... Эта слабость и ломота в суставах, и боль в пояснице, и подламывающиеся коленки, и беспомощное дрожание в пальцах – все эти ужасы должны были отступать с каждым днем, уходить из их тела. Разве взрослые так

мучаются? Им все нипочем! Вон Руледа может час не слезать с велотренажера, а Прат с Дримом бегают по лесным дорожкам до тех пор, пока майки у них не станут мокрыми...

Ранетки завертелись в воздухе, кружа светлыми черенками, и стали похожи на «вертолетики» клена. Если они в конце лета не желали опадать на землю, Мира забиралась на одно из шершавых деревьев и сбрасывала вниз целую пригоршню соцветий. И тогда они охотно танцевали в воздухе вальс и, может быть, сами напевали, только слышал это один Эви.

Едва не потеряв равновесие, Мира схватилась за ствол обеими руками и медленно потянула назад только что промелькнувшее воспоминание: клен, она, кружащиеся «вертолетики»... Тот день, который вдруг всплыл в памяти, был давно. Очень давно. Года три назад. И тогда для нее почти не составляло труда забираться на деревья... Почему?

- Эви!

Она услышала это испуганное восклицание и лишь секунду спустя узнала свой голос. Не поймав ни одной из брошенных ею ранеток, Эви, кряхтя, наклонился и повернул к Мире перевернутое лицо:

- Подожди, я эти еще не нашел.

- Да нет... Эви, слушай! Раньше мне ведь легче было залезать на дерево.

Оттого, что эти слова прозвучали, они показались еще страшнее.

С трудом выпрямившись, он спросил:

- Что ты сказала? У меня в ушах ветер шумит.

- А в том году так шумело, когда ты наклонялся? - быстро спросила она, стараясь не слушать сердце, которое кричало громче ее, только никто не различал его голоса.

У Эви жалко дернулись плечики:

- Не помню я! Целая зима прошла...

- А я помню, - прошептала Мира. - Сейчас уже помню. Только... Как это может быть?

- Теперь я вообще ничего не слышу, - рассердился мальчик. - Ты сама с собой разговариваешь?

- Почему мне страшно?

- Что? Говори громче!

Она опомнилась:

- Лови еще! Да ты попробуй их, знаешь, какая вкуснятина... Я скоро целое дерево съем.

Чтоб он видел, Мира сунула ранетку в рот. На зубах вкусно хрустнуло и растеклось по языку.

«Нечего думать об этом! - Мира жевала так яростно, что от ранетки в два счета ничего не осталось. - Я спрошу у Дрима, и все сразу выяснится. Он ведь скажет мне. Он скажет...»

Прервав ее мысли, Эви попросил:

- Нарви побольше. Нашим отнесем.

- Ну да! Чтоб мне влетело за то, что я на дерево лазила? Вот спасибо!

- А нельзя?

Ей даже стало смешно: «Вот глупый!»

– Конечно, нельзя! Ты же сам говорил, что я сорваться могу. И они тоже самое скажут.

Ей вдруг, как в виртуальной игре, увиделась она сама, лежащая под деревом. Ноги были некрасиво раскинуты, и одна штанина задралась почти до колена. А голова оказалась как-то неловко свернута на бок и сочилась кровью... Мира быстро сморгнула картинку: «Ничего же не случилось!»

Эви ворчливо потребовал:

– Давай-ка, слезай оттуда! Не надо никаких ранеток. Еще рухнешь вниз...
Машешь руками!

– Сейчас, – она стала срывать маленькие яблочки, висевшие совсем рядом. – Я вот только эти...

Сунув одно в рот, Мира с жалостью смотрела, как Эви ползает под деревом, и подумала, что, может, и стоило попросить кого-нибудь из взрослых слазить за ранетками. Это же не труднее, чем крутить педали или бегать...

Ей тоже всегда хотелось побегать, и временами даже казалось, что когда-то у нее получалось это. Но Мира тут же вспоминала, что этого просто не могло быть, ведь раньше она была еще меньше, а значит – слабее. Но оставалось ощущение, что бег знаком ей, что память об этих движениях живет где-то в ногах, если только такое возможно...

Она крикнула:

– Я спускаюсь!

И осторожно поползла по стволу, нащупывая ногой каждую ветку. Эви принялся руководить снизу:

– Левее давай! Мимо встанешь. Еще, еще!

– Я, кажется, сто лет слезала...

Никогда еще земля не казалась Мире такой надежной. Она даже притопнула, чтобы утвердиться в этом, и насмешила Эви. Зубов у него почти не было, но Дрим уверял: «Когда станешь таким, как я, они снова вырастут. Уже ведь раз выпали все до одного, и ничего – выросли!»

А у Миры почему-то все были на месте, кроме самых дальних, за щеками, и многие воспитатели говорили, что у нее красивые зубы. «Крепкие», – добавляли некоторые с каким-то удивлением.

– Ты все собрал? – спросила она и пристально огляделась, подумав: «У этих ранеток странный нрав – так и норовят улизнуть под лопух, чтобы потом достаться какой-нибудь птице или белке».

Так и оказалось. Раздвинув подорожники, Мира вытащила красный шарик и, наскоро обтерев ладонью, сунула в рот. Вкусно почавкивая, она спросила у Эви:

– Какая песенка у подорожника?

Он виновато заморгал:

– Я только цветы слышу.

– Наверное, потому, что они разноцветные, – пришла Мира ему на помощь. – А подорожник – весь зеленый.

Эви тоже захрустел ранеткой:

– Скажи, вкусные, да? Яблоки, что нам дают, совсем не такие. Хоть и красные.

И снова помрачнел:

– Вот откуда эти яблоки? Где они растут?

– Не знаю, – буркнула она. – Мы же еще не все здесь облазили. Где-то растут... Думаешь, их тоже со звезд доставляют? Разве там яблоки растут?

- Все остальное же привозят оттуда!

Она хотела сказать: «Я спрошу у Дрима», но вовремя сунула в рот ранетку. «Эви его не любит, – огорченно подумала Мира. – Или наоборот – любит? Не поймешь его... Сам крутится возле Дрима, а как я слово скажу, сразу злится! Может, мне попридираться, когда он заговорит о своем любимом Прате?»

- А вот это ранетковое дерево тоже поет, – неожиданно переключился Эви. – Когда на нем цветочки... А потом только молчит.

- Как оно поет?

- У меня так не получится. У Неды такие фигурки есть, – нашелся он. – Помнишь? Там еще девушка, как фея, – вся в белом и на голове белая фата.

- А он в черном! Неда говорила, это называется фрак.

- Там если кнопочку нажать, похожая музыка будет...

Мира словно вживую услышала тихий перезвон свадебного марша. Как-то она спросила у Неды, что значит слово «свадебный»... Та ответила: «Это значит – самый красивый». И еще добавила уж совсем непонятное слово: «Мендельсон». Почему-то это прозвучало грустно.

Изо всех воспитателей Неда была самой старшей. «Она самая добрая!» – непременно добавлял Эви. Но Мира почему-то ее стеснялась и уже не решилась допытываться, что такое «Мендельсон»? Руледа и так вечно твердила, что Мира житья никому не дает со своими дурацкими вопросами.

Вспомнив все это, она решила, что так может называться время, когда яблони выпускают свои цветочки, похожие на легкий белый туман. В тот же момент Эви швырнул в нее ранеткой:

- Размечталась!

- Эй! Ты что? – она не успела увернуться и теперь потирала ушибленную скулу. – Синяк же будет!

Он, кривляясь, отпрянул в сторону:

- Синяк-то будет! А платья такого тебе не видать! Думаешь, Дрим подарит? И так тебя за руку поведет? Не дожدهшься!

Пнув носком ударившую по лицу ранетку, Мира тихо сказала:

- Ты стал злой. И с каждым днем все злее и злее. Знаешь, что я тебе скажу: никогда ты не станешь взрослым. Даже если вырастешь на целый метр. Потому что взрослые – они добрые.

- Да уж, добрые! – крикнул Эви чужим голосом. – А Руледа? Сама же говорила, что она – злюка.

- Ну, Руледа...

Мира вспомнила, что однажды сказал Дрим, и снисходительно повторила:

- Она – женщина, что с нее возьмешь?

Злорадно ухмыльнувшись, Эви сообщил:

- Ты тоже станешь женщиной.

- Я... Я буду такой, как Неда.

У него радостно оскалился рот:

- А Дрим и ее за руку не водит! Не такой он дурак... Руледа тоже этого хочет, видно же! И платья он никому не подарит.

- Я не люблю платья.

В глазах у него еще пульсировала зеленая злость, но Эви уже не огрызнулся. «Глупый», – подумала Мира, и, как часто бывало, мысль об Эви стекла теплом к

сердцу. Протянув руку, она осторожно, как диковатого зверька, от которого неизвестно чего ждать, погладила его безволосую голову. Эви чуть пригнулся, но не отдернул ее руку, и Мира погладила снова.

- Чего мы ссоримся? - шепотом спросила она. - Я и сама знаю, что Дрим не будет водить меня за руку. И платья не подарит... Только больше не говори мне этого, ладно?

Эви еле слышно выдавил:

- Извини.

- Мы - это мы. А взрослые - это взрослые. К ним не перепрыгнешь.

- Но когда ты вырастешь...

- Не знаю, Эви. Мне все кажется, что тогда они уже будут какими-то другими.

- Еще лучше? Еще красивее?

- Не знаю. Может, и лучше... Мы увидим.

- Но ведь можно спросить!

- А вдруг они сами этого не знают? Они ведь еще не были этими другими, так откуда им знать? Нет же никого других... Только мы и они.

Эви снизу жалобно заглянул ей в глаза:

- Ты не сердись?

«Вот теперь его глаза снова, как та вода... Во сне. Только не вдали, а у берега», - Мира улыбнулась и ответила:

- Да ну, сердиться! Я не люблю сердиться. Пойдем лучше гладиолусы слушать! Они как звучат?

– Как большие трубы. У воспитателей в оркестре Гридис на такой играет. Ну, знаешь, такие огромные! И совсем золотые...

Глава 3

Ей все не удавалось уснуть, хотя летнее небо, никак не желающее темнеть в одиннадцать вечера, стало уже черным с золотистыми крапинками. Мира знала, что с соседней кровати в щелку между занавесками видно даже половинку луны – она специально подтянулась к смешно сопевшей Нерине, чтобы посмотреть. Если б та не спала, Мира уговорила бы ее поменяться кроватями, хотя бы на эту ночь! Лучше, чтобы кто-то был рядом, когда вот так не спится от беспокойства. Даже если это всего лишь луна...

Мира уверяла себя, что это вовсе не из-за того коричневого пятна, которое вдруг вылезло у нее на лбу. Таких пятен на коже было много, но это – новое. Мира могла поклясться, что еще вчера его не видела. Может, если бы Эви не растревожил ее еще днем своими неожиданными вопросами, от которых сделалось как-то холодно на душе, Мира и не заметила бы этого пятна. Она вообще смотрелась в зеркало только время от времени, а промежутки между этим могли составлять недели. А на что было смотреть?

Мире не раз представлялось, что когда она станет взрослой, то попросит привезти ей большущее зеркало («Так откуда же это все нам привозят?») и будет любоваться собой целыми днями. Если не притрагиваться к коже, то и сейчас можно вообразить, что она, наконец, растянулась, стала гладкой и чистой, а губы точно созрели и порозовели от этого. Наверное, у нее будут темные, гладкие волосы... Ой, нет! Она же хотела кудри! Конечно, кудри лучше, они веселее. А глаза у нее станут карими, хотя пока в них больше желтизны, в которую добавлена лишь капелька шоколада. Веки тогда уже не будут красными, и не придется то и дело отирать с них влагу, которая неизвестно откуда и по какой причине берется, ведь Мира никогда не была плаксой. Однажды она услышала, как Неда сказала о ней: «Хорошо, что она такая

сильная девочка... Она ведь старше всех».

Мира не совсем поняла тогда, что уж тут такого хорошего, она ведь не собиралась ни с кем нянчиться. Да и не было никого младше Эви, а разница между ними всего-то месяцев семь. Разве это много?

«Почему так? – впервые задумалась Мира и ощутила, что холодок из груди никуда не делся. – Нам всем по одиннадцать-двенадцать лет, а после нас опять никого. Разве был какой-нибудь пожар? Что-то я не помню такого...»

Желание немедленно спросить об этом у кого-нибудь – да хоть у Руледы! – стремительно разбежалось по всему телу, и оказалось, что справиться с ним нет никакой возможности. Мира сунула холодные ладони между коленками и зажала покрепче, чтобы руки сами не схватились за одежду. Только вот ноги тоже не собирались ее слушаться и ерзали под одеялом, словно уже бежали куда-то...

«Да никто не заметит!» – она приподнялась на постели и внимательно оглядела спящих девочек. В их домике было шестнадцать кроватей, и стояли они в комнате вдоль стен.

Когда Мира спросила, почему у каждой из них нет отдельного домика, как у воспитателей, – ведь можно же построить! – ей объяснили, что поскольку они еще маленькие и слабые, им лучше держаться вместе. Тогда, если кому-нибудь из них станет плохо, всегда рядом окажется другой, способный помочь или хотя бы позвать воспитателей.

И с этим Мира не стала спорить, потому что зимой так и случилось: Лисия внезапно схватилась за грудь и начала задыхаться, а губы у нее совсем посинели, хотя и до этого были какими-то голубоватыми. Мира помнила, как это было страшно! Ей захотелось убежать и спрятаться. Прат на руках унес Лисию в больницу, а потом девочкам объяснили, что у Лисии – болезнь сердца, которая называется «инфаркт», и что в их возрасте это часто случается, поэтому надо беречь себя, не перегружаться (Руледа выразительно посмотрела на Миру) и не скакать по оврагам. Спокойные виртуальные игры – это как раз для них! К тому же, в компьютерных залах они держатся вместе...

– Но со мной-то ничего такого не случится, – шептала Мира, выбираясь из домика. – Я же ненадолго! И потом у меня сейчас ничего не болит.

Она и раньше, тайком ото всех, выходила в лес по ночам. Просто посмотреть, что творится кругом. Ей чудилось, что в эти часы лес становится чем-то другим, происходит какое-то превращение. Если бы она умела, как Эви различать цветочное пение, то, наверное, под луной услышала бы совсем другую музыку.

Жаль, что ночью Эви так ни разу и не вышел в лес вместе с ней. Нет, он ничего не боялся! Просто этот мальчишка засыпал сразу же, как добирался до постели, и с этим ничего нельзя было поделать. Как-то раз, когда луна была просто огромной, Мира даже рискнула пробраться к мальчишкам в спальню, чтобы разбудить его, но сделать это не было никакой возможности. Эви только причмокивал и бормотал что-то, но не просыпался. Хотя говорили, что со звонком будильника он вскакивал первым. Наверное, ему был отмерен кусок сна, который Эви должен был выспать без остатка.

Постояв на крыльце, которое было вровень с землей, чтобы дети не спотыкались, Мира одним пальцем потрогала застывший репейник, в темноте казавшийся нарисованным черным карандашом. Убедившись, что к одежде он цепляется, как обычно, девочка тихонько прошла вдоль стены и повернула к домику Дрима. Как она и думала, у него все еще горел свет, и Мира заторопилась от нетерпения: «Интересно, что он делает, когда все спят?»

Правда, спали не все. Кое-кто из воспитателей тоже еще не выключал свет, но они Миру не интересовали. Разве они стали бы среди ночи разговаривать с ней о всяких важных вещах? Отправили бы в постель, и дело с концом! Конечно, была еще Неда, на которую Мире хотелось бы походить, хоть та и не выглядела такой красавицей, как Руледа... Но все же разговор, который Мира уже представляла, мог состояться только с Дримом.

Его рыжие волосы казались темнее от электрического света. Мира уже не раз видела их такими, ведь зимой рано приходилось включать лампы. Когда Дрим читал вслух (не всегда, к сожалению, ей одной), Мира мечтала, что однажды он позволит ей расчесать эти волосы, хотя бы просто коснуться их... Наверное, он и сейчас позволил бы, если б она попросила. Но Мира тотчас представляла свою сморщенную, усеянную пятнами руку на его сияющих кудрях, и ее перекашивало от брезгливости.

Дрим оказался не один. То, что с ним была Неда, как-то примирило девочку с разочарованием, но то, зачем Мира пришла, все равно становилось невозможным. Затаившись у окна, створка которого до сих пор оставалась приоткрытой, потому что Дрим любил тихую музыку ночи, она попыталась разобраться, о чем идет разговор. И удивилась тому, что это оказалось совсем даже не трудно. «Ночью звуки становятся легкими, они быстрее долетают», – решила Мира, все же стараясь дышать потише.

У Неды голос тоже был ночным – глубоким и очень низким. Даже у Дрима он оказался выше. Мира сразу услышала, что он недоволен чем-то.

– Мы спорим об этом уже не в первый раз, – отрывисто произнес он.

Неда мягко напомнила:

– Но так ни к чему и не можем прийти.

– А надо?

– Надо. Мы ведь не собой рискуем, пойми же ты! Это очень опасно, Дрим.

Он громко усмехнулся:

– Разве не собой? А чем рискуют они? Чем? Не тебе же, в самом деле, объяснять!

– Объяснять не нужно, – Неда протестующе скрипнула стулом. – Только речь ведь не об этом.

Мира прижалась к стене, потому что Дрим встал, и было слышно, как он прошелся по комнате.

– Да-да! Безоблачное существование, не омраченное размышлениями...
Согласись, мы просто боимся вопросов! Ясно же, что они спросят: кто это с нами сделал? Не вы? Но как вы позволили это?

«О чем они говорят? – вздохнула Мира. – У взрослых иногда ничего не поймешь...»

Ее так тянуло вмешаться в разговор, что она переминалась с ноги на ногу, и, наконец, как и должно было произойти, что-то хрустнуло. Мире показалось, это выпало из нее самой – так явственно оборвалось что-то внутри. Она перестала дышать, и ночь сразу надвинулась такой разноголосицей звуков, что у Миры заложило уши.

Когда горячий шум отхлынул, оставив только жар на щеках, она поняла, что, кроме нее, никто и не расслышал этого громогласного хруста. Все это время, оказывается, Неда говорила, откровенно волнуясь, чего Мира за ней не помнила:

– ... все мы – да! Все человечество, если на то пошло! Это – громко, но это так. Но что ты предлагаешь? Мы не избавимся от чувства вины, если откроем им правду. Нет! Но им станет невыносимо. Ты этого хочешь?

– Нет! – выкрикнул Дрим.

Неда опомнилась:

– Тише. Окно открыто.

– Конечно! Тише! Нельзя же, чтобы истина вырвалась за пределы этого дома!

«У него сейчас злой голос, – подумала Мира. – Никогда не слышала такого...»

Неда произнесла как-то глухо, будто слегка прикрыла рот ладонью:

– Это как раз тот случай, когда приходится жертвовать истиной ради счастья. Хотя бы и временного. Это ведь с самого начала было для нас правилом номер один.

– Да, – только и сказал он.

– Так что же, Дрим? Что же делать?

«Ой, она плачет?!» – испугалась Мира. Ей до дрожи хотелось заглянуть в окно, только на этом бы все и кончилось, и ничего она больше не услышала бы. Хотя

из того, что уже прозвучало, Мира почти ничего не поняла. Существовала какая-то тайна, это ясно, только в чем она?

Несколько раз повторив про себя, Мира попыталась запомнить: «Жертвовать истиной ради счастья». Чтобы как-нибудь при случае так небрежно спросить у Дрима: «Послушай, а что значит жертвовать истиной ради счастья?» Интересно, какое у него при этом делается лицо?

Вместо испуга в горле заскребся смешок. С ним справиться было ничуть не легче, и Мире пришлось ногтями ущипнуть себя за руку. Завтра на руке проступит синяк, но это же завтра... Смешок затих, затаился, и сразу стало стыдно: Неда же плачет.

Однажды Мира уже видела, как плачут взрослые. Тогда Руледа стояла у противоположной стены этого же домика и, закрыв глаза, плакала совсем беззвучно. Ее длинные волосы свисали вдоль лица на грудь, Мире они показались обессилевшими, как и опущенные руки. Чувствовалось, что Руледа ни на что сейчас не способна, только вот так стоять, навалившись на стену, и плакать, даже не всхлипывая.

Но в тот день Мире не было ни стыдно, ни жалко Руледу. Они не любили друг друга, и это все замечали. Даже Лисия, которой после инфаркта на все стало наплевать, как-то заметила: «Она тебя сожрать готова из-за Дрима...» Мира удивилась: «А что, мне с ним поговорить даже нельзя? Что тут такого?» Осторожно пожав плечами (она все теперь делала очень осторожно), Лисия сказала: «Ей-то хочется, чтоб он только с ней разговаривал». Заметив, что та опять потеряла ко всему интерес, Мира ответила уже про себя: «Но ведь всегда разго варивать только с одним человеком, это же такая ску ко тища!»

В эту ночь Мире стало досадно оттого, что Дрим занят спором с Недой, лишь потому, что ей самой не терпелось выложить все вопросы, которые бродили внутри, цепляясь друг за друга и мешая спать. А так – пожалуйста... Хотя... Конечно, лучше бы Дрим разговаривал с ней одной...

– Мы не можем нарушить главные принципы нашей программы, – тихо произнес он.

Мира не поняла: «Это он спрашивает или ей говорит? Что такое – принципы? Может, так и спросить у него: «А какие такие главные принципы программы?»»

– Нет, не можем, – твердо ответила Неда, и стало ясно, что слова Дрима все же были вопросом. – Мы даже представить не можем, чем это для нас обернется!

– А если ничем? Если мы зря боимся? Говорят, там меняются времена...

– Не настолько. Государство по-прежнему существует. Это мы точно знаем.

Голос Дрима опять стал тише:

– Когда я подписывал контракт, я не представлял, что это будет так... бесчеловечно.

– Вздор!

Мира даже вздрогнула. Она впервые слышала, чтобы Неда кричала. На Дрима! Девочку так и скрутило от бессилия: «О чем же они говорят?! Как бы догадаться?»

– Вздор, – повторила Неда уже спокойней. – Ничего бесчеловечного в этом нет.

Шаги Дрима снова заполнили комнату:

– Нет? Мы лишили их жизни. Лишили целого мира, а ты говоришь: нет. Мы огородили их стеной, как каких-то чудовищ, и внушили им, что этот клочок земли и есть – весь мир! А другого им не видать... Зачем он им, в самом деле?

«Что? – в груди у Миры остро кольнуло, но не эта боль сейчас была главной. – Что он...»

Обрывки мыслей спутались, и не было возможности соединить их. Пока Мира поняла только одно: за Стеной что-то есть, только не пропасть, а им столько лет вдали, что...

– Они ведь могли успеть увидеть Парфенон, пирамиды, Лувр, Исаакиевский собор, море, пустыню, всю Землю! Вот какой должна была стать эта чертова программа! Успеть дать им как можно больше. Вместо этого мы заперли их в этом заповеднике... И не говори мне, что это сделано ради них! Это все только ради тех, кто по ту сторону Стены. Чтоб они и не подозревали, что такое случилось. Чтоб им жилось так же бездумно, как нам с тобой когда-то...

– Эти дети вполне счастливы, – терпеливо проговорила Неда. – Что ты придумываешь? Разве ты сам не видишь?

– Я вижу, что они мало чем похожи на живых детей! Мы превратили их в каких-то кибернетических роботов.

– Но им это нравится! Человек не может страдать о том, о чем он даже не подозревает. Это невозможно.

На какую-то секунду возникла тишина, даже шаги Дрима затихли. Мира опять затаила дыхание, стараясь не замечать, что в груди болит все сильнее.

– В этом ты права, – наконец, согласился он.

Голос его прозвучал так, будто Дрим рукой выдавливал его из горла. Еще немного помолчав, он добавил:

– Но не страдать – еще не значит быть счастливым.

– Ты тоже прав, – отозвалась Неда. – Только, думаешь, они стали бы счастливее, если бы впридачу к нашему миру мы подарили бы им и правду об их положении? Никакие впечатления не вытеснили бы ужаса и отчаяния, которые жили бы в них постоянно.

Дрим отрезал:

– Мы все смертны.

– Но они вдобавок еще и чувствовали бы себя отвергнутыми! Не такими, как все. Думаешь, многие из них справились бы с этой болью?

В его словах прозвучала горечь, хотя он негромко усмехнулся:

- И поэтому мы годами обманываем их... Читаем сказки только про животных, а то не дай Бог узнают, что у людей тоже бывают мамы и папы, дедушки и бабушки. И что ребенок, как правило, не из пробирки появляется... Мне представлялось это святой миссией... Но это отвратительно - то, что мы делаем!

Теперь Неда заговорила совсем тихо:

- Я знаю, как ты переживаешь из-за этой девочки. Она ведь старше других.

«Я?! - Мира вздрогнула и еще теснее прижалась к стене. - Это обо мне?»

- Да. Она старше других.

- Но они все уже... в этом возрасте.

Высокий отрывистый смех Дрима прозвучал, как плач:

- Выходит, все мы скоро вернемся в свой мир!

Едва не вскрикнув, Мира до боли вдавила затылок в деревянную плашку: «Все? Так мы увидим, что там - за Стеной?!»

- И будем только изредка, за чашкой кофе, вспоминать наших маленьких воспитанников... Нет! - сам себя оборвал Дрим. - Мы будем гнать эти воспоминания. Человеку ведь свойственно очищать свою память от тех эпизодов, когда он показал себя последней сволочью.

- Мы не последние сволочи! Не мы устроили тот взрыв. И опыты не мы проводили!

- Но разве мы что-нибудь сделали, чтобы эти подонки лишились власти?

Неда беспомощно вздохнула:

– Да что мы могли? Дрим, мы заботимся об этих несчастных детях. Разве это мало? Мы любим их!

– Любим?! – он опять захохотал, забыв о раскрытом окне. – Да Руледу всю перекашивает, когда чья-нибудь морщинистая ручка невзначай коснется ее! Только невзначай, осознанно прижаться к ней никому из них и в голову не придет. Она расхаживает между ними, словно опутанная колючей про волокой.

– Я уже подумывала заменить ее, – пробормотала Неда. – Но это не так просто. До сих пор такого не случалось, все мы с ними с самого начала. Как можно объяснить детям появление нового человека? Откуда он взялся, если по нашей версии людей, кроме нас, вообще нет?

– А мы – люди? – спросил Дрим.

Пропустив его вопрос, Неда устало продолжила:

– А Руледа... Наверное, у нее просто кончилось терпение. Ты же сам знаешь, чего это стоит: постоянно держать себя под контролем, следить буквально за каждым своим словом! Чтобы даже не намекнуть им на то, о чем знать не положено. Она не рассчитала свои силы. Молодость проходит... В студенчестве мы все были энтузиастами. Кучка идеалистов, ненавидящих телевидение и мечтающих о единении с природой. Двенадцать лет единения – это ведь немало, а?

– Ей недолго осталось мучиться, – тускло отозвался Дрим. – По общечеловеческим нормам любому из них уже далеко за семьдесят.

«Семьдесят – чего? – попыталась угадать Мира. – Не килограмм же... А ростом мы все намного больше семидесяти сантиметров. Я уже почти метр шестьдесят! Не совсем еще, но...»

– Пойду я, пожалуй, – сказала Неда. – Уже совсем поздно. Что случилось с тобой сегодня?

Дрим откликнулся не сразу:

- Да в общем-то и ничего... Я увидел во сне море.

«Что такое - море?» - замерла Мира.

- Оно было до того синим, что просто дух захватывало. А у берега совсем зеленым. Живым.

От восторга у нее быстро и сладко заколотилось в груди: «Так это... Море! Вот как называется эта вода... И ему она тоже снилась! Вот это да...»

- Я проснулся и подумал, что никто из них этого не увидит.

- Ты подумал о Мире...

- Когда произносишь в этом падеже, не поймешь, о чем идет речь - о девочке или о том, где мы жили...

«Я тоже хочу туда, - волнуясь все больше, сказала себе Мира. - Почему мне нельзя туда? А когда вырастем, то уже будет можно? Почему же тогда воспитатели здесь?»

- Нам остается только смириться, Дрим.

- Но я не могу с этим смириться! - чуть ли не по слогам прокричал он. - Это... неестественно, понимаешь? Это противоречит всему устройству мира!

Неда печально подтвердила:

- Так и есть. Только что теперь сделаешь?

- Что-то можно... - сказал Дрим почти умоляюще.

- Уже нет... Поздно. Остались считанные недели.

- Только до окончания нашего контракта! Но там указано, что это лишь, если... если это случится со всеми...

До Миры долетел чей-то вздох, наверное, Неда, потому что она заговорила:

- Ты же знаешь, с определенного возраста... процесс идет все быстрее.

- Но почему недели? Разве что-то меняется? Я не заметил. Хотя бы месяцы!

- Это в лучшем случае. Но ведь не всем суждено быть долгожителями.

Больше не слушая их, девочка тоскливо повторила про себя: «Я хочу туда. Там – море...»

Она пропустила, когда Неда успела проститься, и услышала только, как открылась дверь. Чудом не вскрикнув и не бросившись наутек, Мира бесшумно попятилась и укрылась за углом дома. Страдающие бессонницей кузнечики от нечего делать заглушали ее дыхание, хотя вряд ли Неда стала бы прислушиваться. На крыльце она потянулась и громко, с облегчением вздохнула.

- Хорошо! – сказала Неда с непонятым девочке вызовом. – Сколько трагедий происходит на Земле – Боже мой! А такие вот ночи все еще случаются. И разноцветные закаты. И пузыри от дождя. И радуга. И первый снег.

- Это не доказывает, что мы вправе поганить этот мир еще больше, раз он так стойко держится.

Мире показалось, что голос Дрима прозвучал в темноте, как молния. Если бы, конечно, она могла звучать... С раскатом грома это не имело бы ничего общего.

- Придется смириться, Дрим, – печально сказала Неда. – Ничего другого просто-напросто не остается.

- Ты уже говорила о смирении. Я и сам ищу его в себе... Но его нет, понимаешь?

- Наверное, ему учатся.

- После. Но не – до!

Этот звук так и завис в тишине, которую ни один из них уже не решился наполнить словами. Он стал последним и вместе с тем прозвучал той нотой, с которой все начинается. Мира не знала нот, но интуитивно почувствовала, что этот загадочный разговор не может вот так кончиться. И что, наверное, сейчас каждый продолжает его про себя и так же начинает горячиться, споря с самим собой.

На всякий случай она подождала немного, поглядывая на звезды, которые теперь стали казаться совсем другими. Оказывается, они видели гораздо больше, чем она думала и могла представить. Может быть, даже море...

«Если только Дрим говорил о той же воде, – встревожилась она. – А если есть еще что-то такое же... сине-зеленое... Живое. Почему они скрывали от нас? Вот была бы я постарше, хоть поняла бы, о чем они говорили!»

Эта досада на свой возраст была в Мире всегда, сколько она себя помнила. Иногда она мечтала найти календарь своей жизни (ведь бывают же календари года!) и разом выдернуть целую пачку листков. Разве это не приблизило бы ее к Дриму? Только бы его календарь никто не тронул...

Ей опять стало обидно: «Но ведь он обманул меня! Он всегда говорил, что за Стеной ничего нет, кроме пропасти. Почему? Как он мог?»

В какой-то момент она рассердилась настолько, что чуть не вернулась к его домику и не ворвалась внутрь, чтобы с криком потребовать объяснений. Но успела сообразить: если станет известно, что она знает о мире за Стеной, то взрослые сделают все, чтобы не пустить ее туда. Раз не пускали до сих пор... Была какая-то причина, почему они так поступали, только в одиночку Мира не могла найти ее.

И в одиночку отправляться за Стену было страшновато. Хотя Руледа и называла Миру «индивидуалисткой» (девочка уже выяснила у Дрима, что это значит), и ей действительно быстро надоедало делать все вместе со всеми, но такую грандиозную вылазку она не могла предпринять без помощи. Хотя бы без помощи Эви... «Струсит», – подумала она с сомнением, и тут же отголосок стыда ожегом прошелся по сердцу. Этот мальчишка был ее единственным другом, а Дрим учил, что о друзьях нельзя говорить плохо. Особенно про себя, когда они не слышат.

Ей так хотелось разбудить Эви немедленно, вытащить его из постели бормочущего, с подкашивающимися ногами и сунуть головой под кран, чтоб поскорее проснулся, что Мира решила не следить больше за Дримом. Все равно, не станет же он теперь разговаривать вслух с самим собой! А она уже услышала столько, что это переварить бы...

– Если я его не разбужу, то меня разорвет на части, – бормотала Мира, перебегая от дерева к дереву.

Это оказывалась то шершавая сосна, к которой лучше не прижиматься, не то сухая кора может и зашуршать, выдав девочку... То холодноватая береза, к которой, наоборот, хотелось прижаться потеснее...

«Если б у меня была такая кожа, – вздохнула Мира, погладив нежный ствол. – Когда-нибудь обязательно будет...»

Казалось невероятным, что все спали, как ни в чем не бывало, и даже не подозревали, какая страшная тайна открылась Мира. Как же они могли ничего не почувствовать, когда в ней самой все перевернулось, а потом с трудом улеглось на место? Только чуть-чуть в другом порядке... Мира это ясно ощущала: все в ней так, да не так. Эта тайна, оказывается, всегда жила среди них, а сама Мира ее тоже не чувствовала. Но сейчас-то, когда вслух уже прозвучали слова и тайна перестала быть тайной, почему все продолжали спать?!

«Оно там живет, дышит, – подумала она о море, – а они все спят и спят! Так они его никогда не увидят...»

В доме, где кроме Эви жили еще одиннадцать мальчишек, пол был не деревянным, как у девочек, а застелен светло-коричневым линолеумом. Воспитатели говорили, что мальчишкам лень вымывать пыль из щелей и потому с линолеумом будет чище. «Но дерево – здоровее», – обычно добавляла Неда. До сих пор Мира в этом не сомневалась, а теперь уже и не знала, чему можно верить, а чему – нет.

Цепляя носками за пятки, она быстро стянула летние тапочки, чтобы резиновая подошва не взвизгнула. Держа их в руке, Мира заскользила к двери спальни и бесшумно вошла. Эви спал в дальнем углу, и Мира всегда рисковала, пробираясь к нему между кроватями. Она пристально оглядела ребят: вроде бы все спали,

хотя лиц не было видно.

«Если бы кто-нибудь не спал, уже подскочил бы», – успокоила она себя и подобралась к Эви.

– Просыпайся, – шепнула Мира ему в самое ухо.

Днем было заметно, что из него торчат белые-белые волоски. Однажды она заметила такой же в волосах у Неды, но потом он куда-то исчез...

Эви сладко причмокнул и улыбнулся. «А вдруг ему тоже снится море?» – ей вдруг стало жалко будить его. Доберутся ли они до этой волшебной воды на самом деле? А сейчас Эви ее видит... Пусть посмотрит...

Еще немного посидев на корточках возле его кровати, Мира медленно-медленно выпрямилась, опасаясь, что какой-нибудь сустав громко щелкнет, как часто бывало. Но на этот раз ноги не подвели ее, только слегка заныло в коленях.

«Я расскажу тебе утром, – прощаясь, пообещала она другу. – Ты спи пока... А то и не уснешь потом. Я-то уж точно теперь ни за что не усну!»

С трудом подтаскивая уставшие за день ноги, Мира выбралась из дома мальчиков и скрылась в своем собственном. Когда забралась в постель, выяснилось, что сердце все это время так грохотало, что уши закладывало. Только до сих пор Мира этого не замечала. Стараясь поскорее отдышаться, она с тоской подумала: «Что же мне до утра делать? Я еще заболею от этой тайны! А уснуть не смогу».

И тотчас уснула.

- Мы должны всем рассказать.

Эви смотрел на нее так сурово, что Мира не возмутилась в голос, как ей хотелось, а только тихонько предположила:

- Кто-нибудь проболтается...

- А если мы не скажем... Это знаешь, что значит? Что мы тоже всех обманем. Тебе же обидно было, когда ты узнала!

Мира подтвердила:

- Обиднее обидного.

- А все потому, что они нам врали! А я не хочу врать.

- Я тоже не хочу! Но мы же не можем перелезть через Стену все вместе - нас почти сто человек!

Не ответив, Эви отлепил от колена подорожник и осторожно плюнул на него:

- Не держится.

Колени были такими сухими, что казались белыми и походили на камни возле реки. Правое ссадина увлажнила и раскрасила, оно наверняка здорово болело. Снова прилепив подорожник, Эви мрачно сказал:

- Теперь ясно, откуда все берется... Еда, одежда - ну, все! Это оттуда, из-за Стены.

- Значит, есть ход! - осенило Миру. - Не через Стену же они кидают! Она высокая.

- Как бы найти его?

Эви посмотрел на нее так, что стало ясно: кроме нее, никто этого не сделает. Мире пришлось согласиться:

- Понятно, надо. Пошли?

- Прямо сейчас?

- А чего ждать?

У него вдруг испуганно перекосилось лицо. Оглянувшись, Эви подвинулся к ней и жалобно прошептал:

- Я что-то как больной стал...

- А что болит? - всполошилась Мира.

- Да вот ничего и не болит... А ходить трудно. Почему это? Вчера уже, а сегодня еще труднее. А вдруг завтра я и встать не смогу?

«А вдруг правда?» - отозвалось в ней, но Мира протестующе махнула рукой:

- Ну, вот еще! Наверное, ты, правда, чем-то заболел. Надо вылечиться - и все! А просто так не бывает. Мы ведь растем! Значит, сил становится все больше.

И тут она заметила, что сегодня его глаза стали совсем серыми, как будто они не могли больше позеленеть. Взгляд Эви сделался совсем печальным.

- А откуда ты это знаешь? Они сказали. А вдруг они и про это наврали? Как им теперь верить?

- А... - она чуть не задохнулась. - А если... наврали... что тогда?

Теперь Мира ясно ощутила, что сегодня у нее больше обычного ломит поясницу, и сердце слишком часто сбивается с ритма. Сейчас она уж точно не залезла бы на дерево...

– Не знаю, – проронил Эви. – Я только думаю, что нам надо начинать искать ход прямо сейчас. Что с нами завтра будет, откуда мы знаем?

Уцепившись за податливую ветку ивы, Мира поднялась и подала ему руку:

– Тогда пойдём. Стена большая, пока мы всю обойдём! И дня не хватит.

– Давай начнём с той стороны, что за их домами. Может, они ход к себе поближе сделали?

– Может...

Приподнимая ветви, девочка пошла напрямик через лес, не забывая прислушиваться к шагам Эви, который плелся позади. Чтобы чем-то отвлечь его, Мира быстро говорила, изредка оборачиваясь на ходу:

– Когда я вырасту, я все-все обойду, что там есть. Ведь тогда никто не будет нас здесь держать, правда? Мы же станем такими же, как они. Станем, вот увидишь! Ты что, не веришь? Не все же они нам врут.

– Может, и не все, – подал голос Эви. Он задышался, и слова получались смазанными.

– Я быстро иду? Давай потише. Знаешь, Дрим называл Неде какие-то места, которые надо посмотреть... Я уже забыла, но можно ведь спросить. Я все-все это посмотрю, когда стану взрослой. А ты? Эви, ты ведь все равно будешь со мной, когда мы вырастем?

Он не ответил, и Мира с тревогой оглянулась. Он стоял, держась за черемуху, которая участливо наклонялась к нему.

– Ты что? – она поразилась тому, что вышел шепот. – Совсем плохо?

– Я не могу... дальше...

Сжав его острый локоток, Мира настойчиво сказала:

– Надо посидеть немножко. Так бывает: вдруг раз – силы кончились! А посидишь, они снова набираются. Из земли, наверное...

Ничего не сказав, Эви послушно уселся на траву и вытянул ноги. Колено, с которого давно соскочил подорожник, поблескивало красным, но ранка уже затянулась. Мира с досадой вспомнила, что Эви упал, когда она тащила его на полянку среди берез, где они любили секретничать. Ей так не терпелось разделить с ним свою тайну...

«У него уже не было сил, а я заставила его чуть ли не бегом... А он тоже... Сказать не мог?» – она виновато погладила его твердое плечо и заметила: «Совсем слабенькое...»

– Сейчас...

– Да сиди сколько угодно! – мужественно решила Мира. – Ход же не закроется. Мы все равно его найдем.

Эви поднял побледневшее личико, морщины на котором сделались еще резче, и спросил тихо:

– Почему они нас тут прячут?

– Они... Не нас прячут! Просто там... Там их взрослый мир, – она с ужасом поняла, что и сама не верит этому.

– Ты говорила, он большой. Скажешь, там детей больше нет? Вот те, что появились между ними и нами... И после нас... Они ведь, наверное, там!

Мира опять перешла на шепот:

– Откуда ты знаешь? Ты этого не знаешь. Почему же тогда мы здесь?

Насмешливо скривив посиневшие от усталости губы, Эви посоветовал:

– А ты у Дрима спроси. Ты же ему так верила!

– Ему как раз и хотелось нам все рассказать! – она вступилась так яростно только потому, что необходимо было убедить еще и себя.

– Что же не рассказал? И не расскажет, вот увидишь. Если бы ты не подслушала, мы вообще ничего не узнали бы.

И вдруг неожиданно с уважением Эви заключил:

– Ты – молодец.

Миру потянуло уткнуться лицом в лопух, потому что на щеках стало слишком горячо. Но тут она заметила коричневую улитку, спрятавшую голову.

– Гляди-ка! Точно, как твоя.

Эви озабоченно нахмурился:

– Придется ее выпустить. А то как она будет, если я уйду? Никто же ей воды не подольет.

– Ну да, мы ведь все уйдем...

– Да если и не все! Думаешь, кто-нибудь про нее вспомнит? Даже если я попрошу, не вспомнят. Пацанов только в столовую от компьютеров дозовешься... Да я ее никому и не показывал, кроме тебя, – признался Эви, пытаясь скрыть улыбку.

Мира улыбнулась в ответ, не зная, что и сказать. «Спасибо», что ли? При чем здесь – «спасибо»? Тут нужно бы сказать что-то совсем другое...

– Я тоже только тебе показала бы, если б у меня была такая, – нашлась она.

И подумала: «Ну, может, еще Дриму... Он разрешил бы ее держать».

Ей показалось, что Эви подумал о том же. А с чего бы тогда он так странно улыбался? Губы у него уже не были синими, теперь они походили на засохшие

травинки.

«У меня такие же, – Мире захотелось прикрыть их рукой. – Скорей бы они стали розовыми и мягкими, как у Руледы! И почему она не нравится Дриму? Здорово, что не нравится...»

– Давай, я одна поищу, – предложила она на всякий случай, хотя было заметно, что Эви оживает.

– Нет уж! – запротестовал он и начал подниматься. – Еще сбежишь туда без меня.

От возмущения у Миры перехватило дыхание:

– Да ты что?! Я какая-то предательница по-твоему?

– Нет, Мира! Ты не кричи так... Я же просто сказал. Пошутил.

Сама не понимая, отчего в ней все так задрожало, Мира запальчиво проговорила:

– Никогда так... Только представь! Я без тебя – как? А ты? Смог бы без меня?

От испуга глаза Эви позеленели:

– Я же говорю, что пошутил!

– Ладно, – успокоилась Мира. – Пойдем. Только потихоньку.

Краем глаза она заметила, как мимо метнулась белка, легко прошуршав по сосне. Мира крикнула:

– Смотри, смотри!

Но Эви не успел увидеть ее.

– Какая она была? – вздохнув, спросил он.

– Я только хвост разглядела. Он такой выгнутый был. Ну, знаешь, как лепесток у саранки.

– Вот никогда не вижу, – Эви с досадой пнул выпирающий из земли сосновый корень. – Может, у меня шея не так поворачивается, как у тебя? Ну-ка, поверни! Подожди, теперь я... Ты быстрее.

– Ну да! Я же старше.

В голове что-то больно натянулось, будто уже раз прозвучавшая мысль выбиралась из памяти по тоненькому канату: «Раньше мне было легче забираться на дерево...» Она с тревогой взглянула на Эви: ему частенько удавалось угадывать ее мысли, и это всегда забавляло Миру. Сейчас же ей захотелось хорошенько трянуть его голову, чтобы это заимствованное у нее воспоминание тут же вылетело и запуталось в траве. Вон какая она высокая...

– Пойдем, пойдем! – Мира заторопилась, позабыв, что обещала идти не спеша.

Их сухие, в трещинках ладони разом потянулись друг к другу. Они часто ходили, держась за руки, хотя никто их этому не учил. Воспитатели вообще редко к ним прикасались, и Мира понимала: им, таким красивым, должно быть противно дотрагиваться до съезжившейся кожи детей. Ведь тогда им вспоминается, что когда-то они сами были такими, а это не слишком приятные воспоминания! Если они были такими...

– Вот увидишь, они замаскировали этот ход, – сказал Эви.

Это длинное слово он как-то услышал от Прата, который иногда нравился ему даже больше, чем Дрим. У Прата волосы были не золотыми, а черными, но это выглядело ничуть не хуже. А то, что он не такой высокий, как Дрим, даже радовало Эви – рядом с Пратом можно даже забыть, как долго еще расти.

Мира похлопала по стене свободной ладонью:

- Если тут где-то есть дверь, она может открыться, когда толкнешь. Давай толкать?

- Или это подземный ход? - Эви вспомнилось, как недавно его все же затащили в компьютерный зал, и он немного понаблюдал за одной игрой. Там герой как раз через подземный ход выбрался.

- А как мы его найдем? - ее хмурые глаза вдруг знакомо просияли: - Надо их выследить!

- Воспитателей? Да! Точно. Когда-то же они должны принести продукты.

Мира торопливо предупредила:

- Только ни у кого ничего не спрашивай, а то еще догадаются. Мы же никогда в жизни не спрашивали, откуда что берется. А почему мы не спрашивали?

- Маленькие были, - предположил Эви. - Кормят вовремя, чего еще надо?

«А теперь надо», - ей вдруг стало тоскливо и захотелось убежать от Эви, потому что слезы она не показывала даже ему. Мире самой было непонятно и оттого страшновато: почему Стена, возле которой она выросла, с сегодняшней ночи стала давить на нее? Она была слишком высокой, эта Стена...

Вчера это казалось надежной защитой, ведь все знали, что за ней - пропасть. А сейчас одно только ощущение, что Стена рядом, сдавливало горло, как те ошейники, которые Прат иногда надевал собакам. Обычно те бегали свободно, но иногда по вечерам их привязывали возле домиков.

- Чтоб за ними не увязались! - она выкрикнула это и схватила Эви за плечи так, что он весь сморщился. - Вот как мы их выследим! Они привяжут собак. А потом отправятся к своему тайному ходу. Они боятся, что собаки их выдадут.

Мальчик смотрел на нее с уважительным испугом:

- Ну, ты... Как ты догадалась?

– Меня душит, – Мира потерла шею и чуть откинула голову. – Понимаешь? Вот я собак и вспомнила.

– Душит? – повторил Эви, и стало заметно, что он прислушался к своим ощущениям. – А у меня в горле чешется.

Она шепнула, хотя вокруг никого не было:

– Это оттого, что плакать хочется.

– Плакать?! Вот еще – плакать!

Он изобразил возмущение, вытаращив глаза и округлив рот, но Мира успела заметить, что в самый первый миг, на одну только секундочку, он согласился с ней.

– Было бы из-за чего, – добавил он презрительно и сплюнул на траву.

Так часто делали другие мальчишки, но не Эви. Он всегда считал траву живой настолько же, как и человек. Кому приятно, когда в него плюют?

– Сегодня мы не сможем поиграть, – проследив за ним, решила Мира. – Совсем не хочется... Скорей бы уж они привязали собак, а то мы заболеем дожидаться!

– А если уже вечером?

Эви усмехнулся, но глаза выдавали, как ему страшно. «Он ведь сроду ночью в лес не ходил, – с жалостью подумала Мира. – А тут вообще – неизвестно куда...» Приняв безразличный вид, она небрежно бросила:

– Да я одна прослежу. Двоих еще заметят! Тогда – все... Ты спи. Я утром тебе все расскажу.

От радости желтоватые уши мальчика даже порозовели. Быстро заморгав, он виновато спросил:

– А ты ничего? Тебе не страшно будет?

– Да ну! – протянула она, сделав убедительную гримаску. – Я так буду прятаться, что они в жизни меня не заметят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/lavryashina_yuliya/ulitka-v-tarelke

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)